

Он никого не хотел убивать. Все многочисленные тесты, которые ему приходилось проходить за годы службы, показывали низкий уровень агрессивности.

Восточными единоборствами Виктор занимался с детства. Он бы с удовольствием занимался танцами или чем другим, но отец постоянно твердил, что мужчина должен уметь постоять за себя, за своих близких, защитить слабого. Потом была служба в десантных войсках. После армии друзья уговорили за компанию пойти по контракту в спецназ.

Незадолго до ухода из жизни отец искренне сожалел, что по его вине сын, кроме как махать кулаками, так ничему больше и не научился. Нет, по своей профессии Виктор умел многое и умел мастерски, но после выхода на гражданку, кроме виртуозного вождения машины в экстремальных дорожных условиях все его навыки были бесполезны. Пробовал работать личным водителем и заодно телохранителем у одного крупного бизнесмена, но не умел угождать и лебезить, быть прислугой его жены и избалованной дочери, которые его воспринимали, как человека второго сорта.

Устроился таксистом. Не понравилось высокомерие и чванство некоторых клиентов, особенно, когда приходилось забирать кого-то из ресторанов. Был экспедитором, грузчиком, рабочим на стройке, и уж так ему, видимо, везло по жизни, что везде на простых работах смотрели, как на недоумков, и требовали быть на роли беспрекословных рабов. А он был личностью!

– Да ты на себя посмотри, – упрекала часто жена. – Какая на хрен личность, когда твоей нищенской военной пенсии да жалкой зарплаты на еду едва хватает. Вон твои сослуживцы, у одного – частное охранное агентство, у второго – автосервис, третий вообще не понятно, чем занимается, но жена, как королева в дорогих нарядах. И, между прочим, по два-три раза в год на дорогие заграничные курорты отдыхать ездят. А ты всё личность из себя строишь! Лорд, блин, английский! Сенатор долбаный!

– Да бандит он! – выходил из себя обычно невозмутимый Виктор.

– А хоть и бандит, зато по-людски живут, – не успокаивалась жена. – А если не в тюрьме сидит, значит, и не бандит, а честный человек. Вон, даже в депутаты собрался.

Из-за таких разговоров, не желая слушать одну и ту же заезженную пластинку, Виктор жил на даче, куда жена, особенно зимой, почти не показывалась. Устроился к своему сослуживцу в охранное агентство, дежурил сутки через трое, добираясь на работу первым рейсом пригородного автобуса, что делал остановку возле их садового товарищества.

Кроме как на работе, ни с кем не общался, отрастил бороду, что стала предметом постоянных насмешек его бывшего взводного, а теперь – непосредственного начальника:

– Ну, что, чех? Ты только бороду отрастил или обрезание тоже сделал? Намаз совершаешь?

Виктор молча отмахивался, но прозвище «Чех» так за ним и закрепилось. Так его и сменщики называли, так его знали и сотрудники фирм, которых они охраняли.

На даче он побуждал себе небольшую тренажёрный зал, хоть и при-
митивный, но позволял поддерживать форму.

В то утро Чех тоже ехал на службу. Привычно вошёл в полупустой са-
лон автобуса, заплатил за проезд социальной картой, сел на одиночное
кресло, уставился в окно. По мере приближения к городу салон напол-
нялся народом. Это были одни и те же люди, знавшие друг друга если
не по именам, то хотя бы в лицо. Они приветливо здоровались, заводили
разговоры о вчерашних новостях, показанных по телевизору, хвастались
небывалым урожаем огурцов и ягод, обменивались опытом борьбы с са-
довыми вредителями.

Всё было как обычно, пока на одной из остановок, уже почти в черте
города, с задней площадки не зашли трое молодых людей. Были они пья-
ными или обкуреными, сразу же стали вести себя агрессивно, приставать
к пассажирам и требовать у кондуктора сидячих мест.

– Ребята, да где же я вам в полном автобусе сидячие-то найду? – пы-
талась урезонить их женщина. – Сами смотрите, половина пенсионеры,
женщины с детьми, даже инвалиды.

– Я тоже инвалид. У меня рука болит, нога ноет и вообще геморрой, –
захохотал один. – Мне сидячее место положено. Я, между прочим, за про-
езд заплатил, ты обязана мне место предоставить.

– Тебе плацкарт или купе? – спросил один дедок.

– Заткнись, старый пень! Тебя никто не спрашивал.

– Иди сюда, инвалид, – пригласил мужчина из середины салона.

– Это кто там вякает? – грозно спросил самый развязный.

– Молодые люди, ведите себя прилично, тут, между прочим, дети едут,
– вежливо попросила женщина с маленькой девочкой на коленях.

– А тебя кто просил пасть разевать? – рявкнул парень и покрыл женщи-
ну таким матом, который даже на стройке и в армии Чех слышал не часто.
Автобус возмущённо загудел.

– А ну, тихо все! – заорал парень. – А то сейчас всех вы...

И снова послышался отборный мат.

– Кто там ещё возникает? А ну, иди сюда!

И троица двинулась вдоль салона, расталкивая стоящих пассажиров.

– Ты тут самый смелый?! А ну, москаль, встал на колени! На колени,
я сказал! Все на колени! И просите у нас прощения за все унижения, что
пришлось пережить нашим предкам!

Видимо, молодые люди рассмотрелись новостей из США, где афроамери-
канцы стали требовать извинений за унижение белыми их далёких
предков, и где некоторые политики действительно ради голосов от этой
части населения на предстоящих выборах становились на колени перед
теми, чьи предки двести лет назад были рабами.

– На колени, мразь! Мы вас, ублюдки, сейчас будем учить уму-разуму!

Он был на полшага впереди Чеха, рядом встал второй, чуть позади – тре-
тий. Пора было действовать. Виктор встал со своего места, улыбнулся второму:

– Привет! Не узнал что ли?

– Не узнал! – закричал тот. – На колени! На колени, я сказал.

– На колени так на колени, – миролюбиво согласился Чех и, снимая
бдительность разошедшегося парня, стал приседать, а потом резко вы-
прявился, снизу-вверх ребром ладони ударил по носу, пнул между ног
третьему, но автобус в это время качнуло, удар пришёлся вскользь, и вме-
сто того, чтобы молча хвататься за пах обеими руками и медленно оседать
на пол, тот взвыл. Первый обернулся на этот вопль, но не успел ничего
сообразить, как Чех крутанул его голову дальше.

Чех никого не хотел убивать, произошло всё на автомате. Свернув шею первому, Виктор обернулся к тому, которого ударил по носу, оглушил его ударами ладоней по ушам, применил тот же приём к третьему. Он легко мог свернуть шею и этим двоим распоясавшимся отморозкам, он знал два десятка точек на теле человека и отработанными на тренировках ударами легко мог лишить их жизни, но решил только нейтрализовать, дав хороший урок на будущее. И это было его ошибкой. Он хорошо понимал, что оставленные в живых соберут таких же отморозков и всё равно его найдут, чтобы отомстить за товарища. И сделать это не составит никакого труда.

Виктор на первой же остановке вышел из враз притихшего автобуса, на следующем доехал до работы. Он не собирался прятаться. Знал, если первыми к нему заявятся полицейские, сослуживцы сделают всё возможное, чтобы квалифицировать убийство, как самозащиту, как неосторожное убийство пусть и с превышением необходимых мер самообороны. Отморозкам на поиски потребуется какое-то время, а после дежурства в своём доме он себя защитить сумеет. Вот только к первому могут добавиться и другие трупы.

Они могли бы запереть его в доме и поджечь, зажарив живьём, но им этого будет мало. Они захотят его унижить, насладиться глумлением над жертвой, а вот тут он за себя постоять сумеет.

После дежурства Чех по периметру дачи сделал растяжки, прикрепив концы к взрывпакетам, потом лёг спать. Он был уверен, что днём, когда вокруг много людей, в том числе и соседи, эти не придут. Ждать их надо ближе к полуночи. Придут, скорее всего, группой в пять-шесть человек. Больше – привлечь внимание и мешать друг другу, меньшим числом побояться, поскольку наверняка сразу поняли, что имеют дело с человеком бывалым.

Ближе к вечеру услышал, как кто-то разговаривает с соседкой, мол, видел объявление, что дача продаётся и хотел бы её посмотреть.

Ясно! Вычислили, пришли делать рекогносцировку на местности, изучая пути подхода и отхода.

Вечером оставил включённым свет на веранде и в доме, натянул между кустами на дорожках проводов, разобрал альпийскую горку, разбросав валуны в местах возможного подхода, устроился в углу за сарайкой, откуда вероятно можно ждать непрошенных гостей. Воткнул в землю десяток заостренных колов, поставил несколько пустых вёдер. Если, спрыгивая с забора, попадут на кол или ногой в ведро, травмируются, если мимо, в любом случае на шумят. Прыгать будут по одному, поэтому нейтрализовать с его-то опытом не составит труда.

Первый спрыгнувший с забора угодил ногой на кол, застонал от боли и тут же навсегда затих со свёрнутой шеей. Второй загремел ведром. Его через миг ждала та же участь.

Троих Чех увидел в свете лампочки на веранде. Один зацепил растяжку, громко хлопнуло, все упали на землю. Один шеей напоролся на невысокий острый колышек, захрипел, но быстро затих. Двое минут через десять поднялись и, согнувшись, стали пробираться к дому. Один в темноте споткнулся о валун, упал, В три прыжка Чех оказался рядом. Последний с пистолетом в руке вышел на Виктора из-за угла и не успел сообразить, как рухнул бездыханным.

Через калитку на соседнюю, примыкающую сзади дачу выбрался на параллельную улицу, оттуда вышел на свою. В самом её начале увидел «жигули». Притворившись пьяным, постучал в стекло, попросил закурить. В машине никого не было, значит, приехавшие пошли к нему на расправу всей компанией.

Перетаскал тела в машину, не включая фар по грунтовой дороге выехал на берег реки, на всякий случай вытер ручки дверей, руль, рычаг коробки передач, разогнался, сотни раз отработанным приёмом выкатился из салона, машина пробежала в темноте пару десятков метров и ухнула в глубину с высокого берега.

Утром Виктор затопил баню, первым делом сунул в топку окровавленные колышки, снял растяжки, смотал натянутые накануне провода, повесил в сарай, отнёс на место камни, перекопал землю, где оставались следы крови, сжёг куртку и джинсы, помылся, начисто сбрил бороду.

Ещё через день он снова ехал в том же автобусе в город. Его никто из постоянных пассажиров не узнавал, кондуктор была новенькая, прежняя после того происшествия уволилась или взяла отгул.

Виктор в 9 утра заявился в военкомат и записался добровольцем на Донбасс.

О бесследной пропаже пяти молодых мужчин не было сказано ни слова ни в оперативных сводках силовых структур, ни в криминальных новостях местных СМИ. Видимо, появились они в городе без семей, поскольку никто заявление о пропаже родственников не писал.